

ISSN 0571-0626

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

Археологический ЕЖЕГОДНИК

за 2014–2015 годы

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2023

УДК 930
ББК 63(2)
А 87

Ответственный редактор
член-корреспондент Российской академии наук
С. М. КАШТАНОВ

Редакционная коллегия:
В. П. КОЗЛОВ, Н. А. КОМОЧЕВ, А. В. МЕЛЬНИКОВ (составитель и зам.
ответственного редактора), Р. Г. ПИХОЯ, В. А. ЧЕРНЫХ, Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:
доктор исторических наук С. С. ИЛИЗАРОВ,
доктор исторических наук М. А. РОБИНСОН

Археографический ежегодник / [отв. ред. С. М. Каштанов] ; Ин-т славяноведения РАН ; Археограф. комис. РАН ; Фед. архив. агентство. – М. : Наука, 1957 – .
ISSN 0571-0626.

2014–2015 годы. – 2023. – 446 с. – ISBN 978-5-02-041078-7 (в пер.).

DOI 10.31168/041078-7

В томе публикуются статьи и документы по отечественной истории, археографии, архивоведению, источниковедению, историографии и специальным историческим дисциплинам от Средневековья до наших дней (описи монастырских книжных и рукописных собраний, грамоты, посольская книга, научное документальное наследие и статьи об историках, археографах, источниковедах: П. Н. Милюкове, М. Н. Сперанском, С. Б. Веселовском, А. И. Андрееве, В. И. Корецком, М. Е. Бычковой, А. И. Плигузове, Н. Н. Покровском и др.), материалы “Тихомировских чтений” и пленарных заседаний Археографической комиссии РАН, обзоры документальных фондов и коллекций, итоги и результаты крупных археографических проектов, списки трудов, хроника научной жизни, некрологи.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек, музеев, преподавателей и студентов вузов, всех интересующихся историей российской науки и культуры.

ISBN 978-5-02-041078-7

- © Институт славяноведения РАН,
Археографическая комиссия РАН, Федеральное
архивное агентство, 2023
- © Мельников А. В., составление, 2023
- © Российская академия наук и ФГБУ
Издательство “Наука”, продолжающееся издание
“Археографический ежегодник” (разработка,
оформление), 1957 (год основания), 2023
- © ФГБУ Издательство “Наука”, редакционно-
издательское оформление, 2023

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2014–2015 годы**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук
(Протокол № 4 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.06.2022)*

Редактор *А. В. Мельников*
Художник *П. Э. Палей*
Корректор *Н. С. Самбу*
Компьютерная верстка *С. В. Вавилов*

Подписано в печать 28.12.2023
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,0. Уч.-изд.л. 28,0
Тираж 300 экз. Тип. зак. 973

ФГБУ Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-041078-7

276. Материалы к докладу «К вопросу о первом издании “Слова о полку Игореве”». 1920 г. 28 л. Рукопись. Автограф. Тетрадные листы с подклеенными листами другой бумаги, черные чернила.

Состав дела:

Л. 1–28 – Выписанные примечания из издания “Слова о полку Игореве” 1800 г. с уточнениями и дополнениями.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 января 1966 г. – В. Д. Кузьмина; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

277. Слово о полку Игореве. Поправки и изменения, сделанные в 1-м издании. Начало XX в. 3 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–3 об. – Заглавие М. Н. Сперанского – Поправки и изменения А. Ф. Малиновского.

279. Материалы об изданиях “Слова о полку Игореве”. Начало XX в. 46 л. Рукопись. Автограф.

Состав дела:

Л. 1–35 об. – Выписки и заметки чернилами и карандашом, в том числе красным, разного времени. Выписки слов из “Слова о полку Игореве” с комментариями и пометами.

Л. 36–36 об. – Прорисовка карандашом филиграней [“бумаг Малиновского” – ?].

Л. 40–46. – Выписки из литературы, планы изданий “Слова о полку Игореве”.

Лист использования: 29 января 1964 г. – М. Е. Бычкова; 25 марта 1965 г. – В. Д. Кузьмина; 25 марта 1977 г. – А. Д. Зайцев.

Публикатор признателен О. И. Хоруженко за многие ценные замечания и предложения.

Р. Б. Казаков

М. Е. Бычкова

М. Н. СПЕРАНСКИЙ В РАБОТЕ НАД “СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

Имя Михаила Нестеровича^[1] Сперанского (1863–1938) пользуется большой любовью и уважением среди литературоведов, славистов, историков и лингвистов. Его работы по истории славянских литератур до сих пор поражают свежестью мысли и тонкими наблюдениями.

Как исследователь “Слова о полку Игореве” М. Н. Сперанский мало известен в литературе. Его опубликованные работы посвящены вопросам первого издания памятника или являются рецензиями на исследования о Слове, большое внимание уделял М. Н. Сперанский Слову и в своих курсах по истории древнерусской литературы¹. Это, по словам М. Н. Сперанского, высокопоэтическое и во многом загадочное произведение XII века² привлекало его

¹ См.: *Кузьмина В. Д.* Михаил Нестерович Сперанский (19 апреля / 1 мая 1863 г. – 12 апреля 1938 г.). Хронологический список трудов академика Михаила Нестеровича Сперанского // *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века / Предисл., подгот. к печ., ред. и примеч. В. Д. Кузьминой. М., 1963. С. 226–255.

² РГАЛИ. Ф. 439. М. Н. Сперанский. Оп. 1. Д. 271. Л. 2. [Л. 3. Дело 271 включает машинописный текст доклада М. Н. Сперанского в Московском университете 16 февраля 1916 г. «Федор Евгеньевич

в течение всей жизни. Первый специальный курс о Слове был им прочитан в Нежине в 90-х годах прошлого [XIX. – P. K.] века³, последняя датированная работа относится к 1935 году⁴.

В архиве М. Н. Сперанского всего сохранилось около десятка завершенных работ, заметок, материалов, посвященных различным вопросам изучения Слова⁵. Слово о полку Игореве привлекало М. Н. Сперанского не только как поэтическое произведение, но и как памятник, в изучении которого отразилась вся история русского литературоведения XIX века. Он писал об этом^[2]: “Едва ли многие памятники мировой литературы, разве только Илиада и Одиссея и [3-священное писание-3] могут похвастаться такой о них литературой, какую создало вокруг себя Слово о полку Игореве. Едва ли какому другому памятнику посвящали свои силы, талант и знания такая масса ученых, полуученых и вовсе неученых, как Слово о полку Игореве...^[4] не проходит почти года, чтобы не явилось чего-либо, так или иначе относящегося, касающегося Слова о полку Игореве. Редкий из русских ученых, потрудившихся над историей нашей литературы, не пробовал свои силы над разъяснением этого памятника, а тем не менее памятник до сих пор во многих отношениях стоит перед нами загадкой, отгадки которой мы еще не нашли”⁶.

В своей общей оценке “Слова о полку Игореве” М. Н. Сперанский полностью следовал взгляду на него, как на памятник воинской повести конца XII века, возникший на юге Руси, установившемуся во второй половине прошлого [XIX. – P. K.] века после выхода работ Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова. М. Н. Сперанский проводил параллели между Словом о полку Игореве и Акиром Премудрым, Девгениевым деянием, считая, что Слово возникло в тот момент, когда на Руси был большой интерес к воинским повестям⁷. Взгляд на Слово о полку Игореве, как на древнерусскую воинскую повесть, последовательно проводится во всех работах М. Н. Сперанского, посвященных древнерусской литературе.

Читая работы М. Н. Сперанского, посвященные Слову о полку Игореве, ясно видишь круг вопросов, которыми он интересуется и к которым так или иначе возвращается.

Как филолог, много занимавшийся историей славянских литератур, ученый, привыкший иметь дело с рукописными произведениями разных времен и народов, М. Н. Сперанский понимал, что утрата во время пожара Москвы 1812 г. единственной рукописи Слова была невосполнимой. Он придавал большое значение языку и палеографическим особенностям рукописи Слова, поэтому прежде всего он обращался к первому изданию Слова, стремился по этой публикации восстановить сгоревшую рукопись.

Корш и “Слово о полку Игореве”». М. Н. Сперанский неоднократно на протяжении доклада характеризовал “Слово” в таких выражениях: “разработка этого высокопоэтического и в то же время во многом загадочного произведения 12-го столетия” (Л. 3), “загадочный во многом памятник, в то же время высокохудожественный” (Л. 7), «[Корш] готовит связный комментарий к этой, как он сам писал в своей автобиографии, “во многих отношениях загадочной поэме”» (Л. 8–9), «в изучении загадочной “поэмы” XII века» (Л. 11)].

³ Кузьмина В. Д. Михаил Несторович Сперанский // *Сперанский М. Н.* Указ. соч. С. 209.

⁴ К истории изучения “Слова о полку Игореве” // РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 2. Д. 4. [Оп. 1. Д. 268. Заглавие дела дано М. Е. Бычковой. См. примеч. 5].

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 266. “Слово о полку Игореве”. Лекции; Д. 267–268 [Д. 267]. К истории первого издания Слова о полку Игореве. Доклад; Д. 269. О двух изданиях “Слова о полку Игореве” Н. С. Тихонравова; Д. 270. Разбор “Слова о полку Игореве”; Д. 271. Ф. Е. Корш и “Слово о полку Игореве”. Доклад; Д. 275. Материалы к работе “Слово о полку Игореве”; Д. 279. Материалы об изданиях “Слова о полку Игореве”; Д. 276–278. Материалы к докладу “К вопросу о первом издании Слова о полку Игореве”; Д. 283. Поддельные списки “Слова о полку Игореве”; Оп. 2. Д. 4 [Оп. 1. Д. 268]. Статья по поводу переводов “Слова о полку Игореве”.

⁶ Там же. Д. 266. Л. 1–1 об. Здесь и далее в цитатах из работ М. Н. Сперанского без оговорок раскрываются принятые им сокращения: С. о п. И. – Слово о полку Игореве, М.-Пушкин – Мусин-Пушкин.

⁷ *Сперанский М. Н.* Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности // Сб. Отделения рус. яз. и словесности. Пг., 1922. Т. 99. № 7. С. 123–130.

В его работах видна строго продуманная система изучения памятника. Понимая все значение Слова о полку Игореве, М. Н. Сперанский с большой осторожностью подходил к его изучению. Утрата подлинника рукописи ставила перед исследователем задачу реконструкции первоначального текста. Поэтому М. Н. Сперанский считал прежде всего необходимым изучить все сохранившиеся экземпляры первого издания Слова, списки переводов поэмы, Екатерининской копии, выписки, сделанные из рукописи Н. М. Карамзиным, и т.д. Этим вопросам посвящены неопубликованные работы М. Н. Сперанского.

Наиболее ранней работой М. Н. Сперанского о Слове является курс лекций. Автограф лекций сохранился, правда, не полностью. Всего до нас дошли 1, 3, 4, 5, 6, 7 лекции. Отсутствует лекция 2 об истории находки и исчезновения рукописи и последние лекции. Рукопись не датирована, возможно, это те лекции, которые читались им в Нежине⁸. М. Н. Сперанский стремится в первую очередь восстановить древнюю палеографию, весь вид сгоревшей рукописи. Здесь М. Н. Сперанский отдал дань тем попыткам реконструкции, которые возникли во второй половине прошлого века после находки Екатерининской копии, публикации Пекарского и особенно Н. С. Тихонравова. Отвечая на вопрос, почему именно этот памятник был выбран для курса лекций, М. Н. Сперанский писал^[5]: "...Слово о полку Игореве стало тем зеркалом в его изучении, в котором отразился, частью целиком, частью в виде конспекта, весь ход научной разработки нашей^[3] литературы древнего периода. Поэтому, изучая Слово о полку Игореве, исторически следя его изучение, мы тем самым изучаем, могу сказать смело, с достаточной полнотой, самый^[3] ход развития изучения^[3] истории русской литературы в течение 100 лет, т. е. почти со времени возникновения истории русской литературы вплоть до наших дней"⁹.

Сохранившиеся лекции М. Н. Сперанского посвящены попытке выяснить, что представляла собой сгоревшая рукопись Слова. Прежде всего он приводит свидетельства очевидцев^[6], «которые относят ее (рукопись. – М. Б.) то к XIV в., то к XV (его началу или концу), то XVI (Малиновский), то даже XVII–XVIII (почерк Дмитрия Ростовского), письмо ее считают "чистым", но без ясного разделения слов».

Для определения отдельных чтений рукописи М. Н. Сперанский привлекает бумаги А. Ф. Малиновского и, прежде всего, на основе палеографического анализа пытается выяснить, делались ли они действительно с рукописи и сохраняли ли написание рукописи. Анализу бумаг Малиновского посвящена отдельная лекция. М. Н. Сперанский отмечает, что по написанию слов выписки Малиновского ближе к древним рукописям, чем издание 1800 г. В них сохраняется "ou", кроме слова "казанину", но именно "у" в этом слове "совершенно немыслимо в рукописи XV или XVI в.". Выписки Малиновского отличаются от издания 1800 г. употреблением "ь" и "ъ". По этому поводу М. Н. Сперанский пишет: «Но если мы знаем несомненные случаи, где издатели путали ъ^[7] и ь^[7], то почему Малиновский, сам игравший^[8] главную роль в издании, в черновой бумаге "первоначальных работах", был бы точнее, нежели он был в чистовой...^[9]. Но это еще не беда: это возможно допустить, хотя с натяжкой, счесть возможным. Но дело в том, что все эти случаи уже дают чтение Екатерининской^[7] копии».

Особенно против точного копирования рукописи в бумагах Малиновского, по мнению Сперанского, говорит написание слова "князь" как "кн.". Это – написание XVIII в.

"Вывод из этого рассмотрения бумаг таков: во всяком случае значения для восстановления палеографического облика погибшей рукописи бумаги Малиновского не имеют никакого. Они сами палеографически неточны. Мало того, изучение этих бумаг приводит

⁸ *Он же*. Рукописные сборники XVIII века. С. 209. В литературе не сохранилось сведений о том, читал ли М. Н. Сперанский лекции о Слове в Московском университете, поэтому свидетельство слушателя Нежинского института В. В. Данилова является пока единственной косвенной датировкой рукописи.

⁹ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 266. Л. 2. [Л. 3].

к тому, что и тот облик их, в каком мы их имеем, подозрителен...^{[7].¹⁰} Мало того они и поддельные^[7]. Это качество определяется такими чертами их: 1) выписки сделаны как раз из тех мест Слова, где издание 1800 г. представляло странные начертания или в грамматическом, или в палеографическом отношении...^[11] Затем ряд выписок является как раз там, где Изд. и Арх. расходятся в употреблении ъ^[7] и ь^[7]. Тот, кто подделывал бумаги, имел перед собой издание 1800 г. и текст Арх., а кроме того, знал палеографические тенденции Тихонравова относительно ом^[7] (титл и сокращений) и ъ^[7] и ь^[7]. Иначе [говоря]^[12], бумаги подделаны по печатному изданию 1800 г. и изд. Архив. (Пекарского, 1864) и позднее 1866 – 1-го издания Тихонравова^{10, [13]}.

Вторым вопросом в истории Слова, который разбирается в лекциях, был вопрос о первом издании поэмы. Здесь М. Н. Сперанский выделял вопросы о принципах издания и его сохранности. В лекциях о Слове М. Н. Сперанский, разбирая принципы передачи текста в издании 1800 г., приходит к выводу: "...Какова бы ни была рукопись Мусина-Пушкина, он издал ее плохо. Но этим вопрос, какова же была рукопись, не решается. Голословные указания противоречивы, точности терминологии мы доверять не смеем: рукопись издана^[7] со всей точностью^[7] по мнению издателей, но вовсе не точно по^[7] нашему теперешнему^[7] мнению: те тонкости в передаче текста, какие мы теперь требуем, в голову не приходили старым издателям. Чтобы решить, какова же была рукопись, а это нужно для определения ее времени, а это важно для языка, мы должны из-под издания Мусина-Пушкина высвободить по возможности первоначальный вид рукописи".

М. Н. Сперанский показывает, что выражение "со всей точностью" первых издателей рукописи^[14] "не значило издавать палеографически^[7], а только не переделывая слов, раскрытие титлов переделкой не считалось. А это именно и изменило характер текста, лишило его характерных черт, по которым можно бы угадать первоначальный вид, а стало быть, и век рукописи"¹¹.

Эта точка зрения в дальнейших работах М.Н. Сперанского не меняется.

Очевидно к первым двум десятилетиям [XX в. – Р. К.] относится статья «Разбор "Слова о полку Игореве"»^[15]. В ней М. Н. Сперанский вновь возвращается к попытке выяснить, что собой представляла рукопись Слова. Это единственная работа, где М. Н. Сперанский дает подробно аргументированную датировку утраченной рукописи Слова и начинает его разбор. В отличие от других работ М. Н. Сперанского, она не имеет четкого справочного аппарата (обычно все ссылки с точными выходными данными работы делаются им в тексте в круглых скобках), лишь на полях даются ссылки на издания Слова Дубенского и, очевидно, Тихонравова ("Т-а"). На листах 2 об., 9, 13 об., 17 об. на полях поставлены даты 27 января, 4 февраля, 10 февраля, 18 февраля, не относящиеся к тексту самой работы. Очевидно, эта статья писалась в эти дни, как раздумья автора над памятником литературы, необыкновенно привлекавшим его внимание. К сожалению, статья осталась незаконченной, она обрывается разбором выражения "итги дождю стрѣлами".

При описании рукописи М. Н. Сперанский идет от особенностей почерка, которым было написано "Слово", к составу сборника, определению времени возникновения других произведений, входивших в него, и только после этого датирует саму рукопись. При разборе почерка рукописи, вслед за Н. С. Тихонравовым, он обращает внимание на путаницу при издании букв ъ, ѣ, ы, приходит к выводу, что почерк рукописи не был уставным, обращает внимание на надстрочные знаки, бывшие в рукописи, расстояния между словами.

«На учение "о расстояниях" издатели не обратили внимания, тогда как оно играло большую роль в рукописях. Система расстояний в уставе была проста и не могла бы ввести в затруднение».

¹⁰ Там же. Л. 10, [12]–12 об., 13–13 об. Здесь и далее подчеркнуто М. Н. Сперанским.

¹¹ Там же. Л. 9, 10.

«В древней рукописи не могло быть колебаний там, где издатели “Слова” недоумевали. “Въ Киевѣ на горахъ” — куда относится эта фраза: к “сонъ видѣ”, или “одѣвайте мя”? Издатели отнесли к первому (вернее), в других изданиях ко второму (к речи Святослава). Несомненно, что рукописный сборник отметил здесь разделение предложений запятой или большой точкой».

М. Н. Сперанский указывает, что введение в первое издание прописных букв, которые отсутствуют в древних рукописях, путает позднейших читателей^[16]. Написание с прописной буквы слов “Топчаки”, “Ольберы” привело к тому, что их принимают за названия народов, тогда как “ольбѣры” — «слово несомненно нарицательное и в южно-русской летописи “оловирь” — платье из греческого бархата; “топчаки”, “ревугы” — воинские доспехи»¹².

Неправильное раскрытие титла в выражении “темно бо бѣ въ т день” привело, по мнению М. Н. Сперанского, [А. А.] Потребню к ошибке, когда он прочитал “въ т (=той!) день”. Тогда как, “обращаясь к грамматикам [17-XVI в.:7]”, видно, «что буквой “т” под титлом можно обозначать только^[7] цифру, а никак не местоимение».

И, наконец, М. Н. Сперанский отмечает, что «в XVI в. господствовала почти во всех памятниках особая мода в письме — стремление восстановить архаизмы, но они были употребляемы некстати, “красоты ради”. Такое письмо попадает и в “Слове”: это указывает уже на сравнительно новый вид рукописи “Слова”».

После разбора “письма” Слова, Сперанский переходит к самой рукописи, отмечая, что издатели оставили весьма скудное ее описание. Прежде всего автора интересует вопрос: весь ли сборник написан был одной рукой? По выпискам Карамзина из него, сделанным из Девгениева деяния и Акира Премудрого, М. Н. Сперанский полагает: “можно судить, что обе статьи писаны одной рукой” и снова отмечает, что встречающиеся в рукописи формы «“тлки”, “то” (той) показывают, что это не рукопись XIV в., так как подобное сокращение тогда не возможно было»¹³.

Окончательную датировку рукописи М. Н. Сперанский дает, разбирая ее состав: «Теперь содержание сборника. I) Гранаграф^[7] (Пушкин переделал — хронограф); нельзя не обратить внимания на это обширное сочинение сборника...^[17] Хронограф назван “гранаграфом”, что составляет особенный характеристичный признак русской редакции Хронографа...^[18] Редакция первая, переведенная с греческого, носит заглавие, переведенное с греческой редакции...^[19] и не подвергалась никаким переделкам до XVII в., когда является вторая редакция, разделенная на 169 глав и доводимая до Михаила Федоровича, и снабженная новым русским предисловием и следующим заглавием: “Книга, глаголемая гранаграф, рекше начало письменом царских родов от многих летописец...^[20]” Несомненно, что в рукописи Мусина-Пушкина является вторая^[7] редакция, сходная со всеми списками этой редакции». Наиболее убедительно датирует Хронограф статью о запрещении инокам мяса, она относится ко второй редакции XVII в.^{14, [21]}

Разбирая дальше состав сборника, М. Н. Сперанский приходит к выводу о том, что в него включены литературные произведения ранних редакций¹⁵. После этого он приходит к выводу о составе сборника.

«Отсюда вывод^[7]: очевидно перед поздним составителем сборника лежали тексты древние и очень редкие; он постарался переписать их себе, кое-где подправляя, но оставляя по возможности правописание древнее. Утверждая новость рукописи, мы не можем утверждать,

¹² Д. 270. Л. 1 об. — 2.

¹³ Там же. Л. 2 об., 3.

¹⁴ Там же. Л. 3–3 об., 4.

¹⁵ [Там же. Л. 4–5]. О датировке редакций Девгениева деяния и Акира Премудрого подробнее см.: Сперанский М.Н. Девгениево деяние. С. 28 и след.; Он же. Сказание об Индейском царстве // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1930. Т. 3, кн. 2. С. 332–383.

что и тексты были новы, скорее наоборот: можно думать, что переписчик, видимо, старался удержать древний текст и его правописание; поэтому и в “Слове о полку Игореве” встречается удивительное смешение форм древних и новых, почти невольно внесенных писцом. Т. о. для диллетанта, каким был Мусин-Пушкин, было трудно определить время написания рукописи, вероятно, XVII в.»¹⁶.

Позднее М. Н. Сперанский дал датировку сборника по Н. С. Тихонравову – XVI в., не приведя никаких обоснований¹⁷.

Определив век, в котором была написана рукопись, содержащая Слово о полку Игореве, М. Н. Сперанский хочет выяснить, “в каких списках и редакциях дошел памятник”. Здесь он обращается к Задонщине.

«С XV в. идут сказания о “Задонщине”, автор которой^[22] воспроизвел некоторые^[23] места “Слова” буквально. Этими местами можно пользоваться, как вариантами к “Слову о полку Игореве”. Но “Задонщина” с XV до XVII в. перерабатывалась, и часто при этом уничтожалась возможность разъяснения темных мест в “Слове о полку Игореве”. Но древних списков Задонщины немного, и писаны они не там, где “Слово”, а на Севере. Редактор на Севере не мог понимать многого в “Слове” и объяснял по-своему. Итак, нужно очистить варианты от объяснений другого времени и места, [например вместо “за шеломенемъ” читается “за Соломономъ”]¹⁸.

Далее Сперанский замечает: «В XVII в. в Задонщине возникает стремление дополнить отрывками из “Слова”; в одном списке, известном Тимковскому, масса таких новых мест и переработанных. Несмотря на все ошибки в Задонщине часто они именно и наводят на истинный смысл текста “Слова”¹⁹.

Место написания Слова, по мнению М. Н. Сперанского, “определить нельзя”. «Смешение ъ и ь, на которое^[24] жалуется Мусин-Пушкин, могло иметь причиной почерк, а также и южное происхождение сборника: в карамзинских выписках из “Девгениева деяния” удержана эта замена».

Разобрав таким образом рукопись, М. Н. Сперанский делает вывод: «1) Список “Слова” относится к XVI–XVII в.; 2) текст был древен, и переписчик стремился удержать его; 3) объяснение непонятных мест надо искать в языке XII, XIII вв.; 4) текст не подвергся значительным переделкам в духе XVI в. Признавая, что это произведение народное по духу, но искажено в письме, я буду обращаться к устной народной словесности для объяснения непонятных образов и даже слов. Для общей литературной манеры повестей я буду обращаться к “Акиру Премудрому”²⁰.

Далее М. Н. Сперанский переходит к разбору памятника. К сожалению, эта часть статьи им не закончена^[25]. Разбирая образы, особенности оборотов памятника, М. Н. Сперанский проводит параллели с былинами (с отсылками на издание Рыбникова). Таковы обороты: “братие и дружино”, “вещий”, “неготовами дорогами”, “шеломя”, “красные девки”, “чръная тучя”. О глаголе “приломити” он замечает: «В “Слове” “при”^[7] в противоположность летописи: “изломити”^[26], т. е. более близкое к народному языку, чем к книжному».

К выражениям, перешедшим из народной поэзии, относит М. Н. Сперанский образ “свет светлый”, для выражения “итти дождю стрѣлами» М. Н. Сперанский находит аналогии в древнерусских стихотворениях Кириши Данилова²¹.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 270. Л. 5.

¹⁷ Сперанский М.Н. Сказание об Индейском царстве. С. 371.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 270. Л. 5 об. – 6. [Д. 270. Л. 6].

¹⁹ Там же. Л. 6–6 об. Тимковскому был известен не список Задонщины, а список особой редакции Сказания о Мамаевом побоище. См.: Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1838. Т. 3, вып. 1. С. V–VII.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 270. Л. 6 об. – 7.

²¹ Там же. Л. 13 об., 16 об. – 17, 21, [Л. 7–7 об., 8–8 об., 13 об., 16 об. – 17, 18 об., 20 об., 21].

Много параллелей Слова с летописями, в частности с Ипатьевской, также отмечено М. Н. Сперанским.

«В летописях “братие и дружино” постоянно употребляется вместе: место Ипатьевской летописи под 1123 г. (смерть Ярослава) интересно для объяснения этого слова “братие”, где “братие и дружина” отнесено к дружине монастырской, т. е. не только военной».

Связь между Словом и летописями М. Н. Сперанский видит и в том, что в них попало описание битвы Мстислава с Редедей.

«Подвиг Мстислава, носящий былинный характер, записан на первых страницах летописи, т. е. былинный отрывок внесен и в летопись, и в “Слово”».

Большое сходство с Ипатьевской летописью он видит в выражении «^[7]всядем на ... комони⁷¹ – выражение эпическое с определенным смыслом: выступить в поход; в том же значении и в Ипатьевской летописи; “кони” – всегда в множественном числе, хотя речь идет и об одном лице»²².

Аналогично объясняет Сперанский и выражение “копие приломити”, “испити шело-момъ Дону”.

Как “эпитет с природы” определяет Сперанский оборот “^[7]чръленыя щиты⁷¹” – “по Сильвестрову сборнику русские воины изображаются с красными щитами; эпитет удерживается и летописью”.

Из летописей М. Н. Сперанский объясняет и слово “кожухы^[7]”: “слово любопытное, вот почему: погибли князья весной (23 апреля); они едва ли пошли в шубах; кажется, слово имеет древнее значение – кафтан (в Волынской летописи кафтан из богатого греческого бархата на князе назван кожухом), вероятно тоже и здесь, показывая обилие добычи”.

Особенно интересны параллели с Супрасльскими рукописями. Здесь он находит аналогию с южнославянскими памятниками в выражении “грудных повестий”, “убудить”, “иже истягну”, “поостри сердца”. Говоря об этом выражении, М. Н. Сперанский замечает: «здесь можно видеть указание на южное происхождение “Слова”». Как признак южного письма М. Н. Сперанский отмечает написание слова “тьмою^[7] – ь поставленное правильно (если оно не вышло из (ерицы) над строкой), и это признак южного письма”.

К памятникам XI–XII вв. Сперанский относит употребление слова “песнь” в Слове в значении похвалы. Из Супрасльских рукописей М. Н. Сперанский объясняет и оборот “подубию”^{23, [7]}.

Много параллелей находит М. Н. Сперанский и с Задонщиной. Как на прямое заимствование из Слова он указывает на фразы “нъ своя... въскладаше”, “луце потяту”. Он пишет: «Обращаясь к Задонщине, находим, что уже в XVI в. оба слова (и стягну) не понимались и соединялись, почему в вариантах находим исковерканное выражение “истязание”»^[27].

Правильно понято это выражение, по его мнению, в повести о нашествии татар на Рязань. Аналогию с Задонщиной древней редакции Сперанский видит в определении Бояна, как “соловей старого времени”. Выражение «^[7]комони... Путивль⁷¹ – удержано в “Задонщине” всех редакций и списках, начиная с XV в.; менялись только имена, и то не всегда». «Таково же и выражение “^[7]див кличет^{71, [28]}” ... оно есть почти во всех списках “Задонщины”, хотя воспроизводящий его писец уже не понимал слова».

Про глагол “запала” М. Н. Сперанский пишет: “Следует удержать, оно есть во всех списках Задонщины; но непонятно”²⁴.

Находит М. Н. Сперанский в Слове и несколько непонятно откуда перешедших выражений, ряд признаков позднего письма.

²² Там же. Л. 7 об., 10, 12 об.

²³ Там же. Л. 11, 18 об. – 19 об., 20. [Л. 13, 19–19 об., 20, 7 об., 17 об., 10–10 об., 11–11 об., 8, 18 об., 18 об. – 19].

²⁴ Там же. Л. 10 об., 11, 14, 16, 17 об., 18, 19 об. [Л. 10, 10 об. – 11, 12–12 об., 14, 16, 18, 19 об.].

К непонятым выражениям М.Н. Сперанский относил слово “блѣвань”^[29] – какой смысл давал этому слову автор, сказать трудно”.

О выражении “поганый”^[30] М.Н. Сперанский пишет: «Сопоставить с “Тмутараканский блѣвань”». «Гзакъ»^[7] – это собственное имя имеет в летописи форму “Къза” (или “Коза”); форма “Гзакъ” – редкая; откуда это начертание неизвестно; вероятно, по аналогии с “Кончакъ”»^[25].

Как “признак письма XVI в.” определяет М.Н. Сперанский написание слова «наплывня», затем отмечает: «Слова [7-“за землю Руськую”-7], по-видимому, лишние; прибавка весьма интересная: имеет значение припева»^[31]».

К непонятым и испорченным местам он относит еще два: [7-“Спала... по хоти”-7] – место непонятное”; [7-«и жалость... великаго”-7] – место испорченное^[32]... очевидно это слово (жалость – М. Б.) не на месте; л^[7] в скорописи и полууставе похоже на д^[7]; поэтому удобнее читать: “жадость” от “жадати” (искренно желать)^{[26, [33]]}».

М. Н. Сперанский очень интересовался научной литературой о Слове и живо откликался на все новые работы, особенно если памятник в них рассматривался в новом аспекте. Это ясно видно из необыкновенно лиричного доклада М. Н. Сперанского «Федор Евгеньевич Корш и “Слово о полку Игореве”», прочитанного на заседании в Университете [Московском. – Р. К.] 16 февраля 1916 г. Давая высокую оценку работам Ф. Е. Корша о Слове, М. Н. Сперанский показывает, как много может сделать талантливый славист в изучении этого памятника, даже не занимаясь им специально. В этом докладе М. Н. Сперанский дает и интересную оценку самому памятнику.

«Знаменитый поэтический памятник южной Руси “Слово о полку Игореве”^[3] после появления своего в конце XII столетия^[3] в дальнейшей судьбе своей оказалось памятником как бы специально московским: еще где-то на грани 14-го и 15-го веков оно послужило источником для типичного уже московского по духу подражания – “Задонщины”, в единственном списке своем, [3-ставшем доступным науке-3] попало оно в собрание московского любителя древности графа А. И. Мусина-Пушкина, им было издано, с его библиотекой погибло [3-в Москве-3] в 1812-м году, вызвав целое движение в русской научной литературе»^[27].

Высокую оценку дает М. Н. Сперанский попытке Ф. Е. Корша дать текст памятника “разложенным на ритмическо-стихотворные строки”^[34].

«Предшественников у исследователя, собственно говоря, не было, и Ф. Е. [Коршу. – Р. К.] пришлось, прежде чем разложить текст “Слова” на ритмические строки, созидать теорию и законы стиха XII столетия, от которого до нас не дошло ни единой строки, и затем только, в то же время исправляя и реконструируя сравнительно [3] поздний и во многом испорченный [3-временем и первым издателем-3] текст, прилагать эти законы к восстановлению памятника в том его виде, как он вышел из-под пера его автора»^[28].

В 1920 г. вышло фотомеханическое издание Слова о полку Игореве, сделанное с первого издания 1800 г. К этому времени М. Н. Сперанский получил возможность изучить и бумаги А. Ф. Малиновского. Издание 1920 г. сопровождалось статьей М. Н. Сперанского, где он дал научное описание бумаг^[29].

²⁵ Там же. Л. 18–18 об., 20 об.

²⁶ Там же. Л. 11 об., 12 об.

²⁷ Там же. Д. 271. Л. 2 [Л. 3]. Доклад М.Н. Сперанского во многом совпадает с его некрологом: *Сперанский М. Н. Памяти Федора Евгеньевича Корша* // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. Т. 73, № 2. С. 379–390.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 271. Л. 9, 10. [Д. 271. Л. 10, 11].

²⁹ *Сперанский М. Н. Первое издание “Слова о полку Игореве” и бумаги А. Ф. Малиновского* // Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под ред. А. Ф. Малиновского с прил. ст. проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. М., 1920. С. 1–24. [См. также о бумагах А. Ф. Малиновского: Д. 268. Л. 1–11; Д. 270. – Р. К.]

На основании палеографического анализа М. Н. Сперанский приходит к выводу, что бумаги А. Ф. Малиновского не принадлежат одному лицу и написаны в разное время. Часть из них, по определению М. Н. Сперанского, могла принадлежать Дубенскому^[35], часть относится к поздним записям самого Малиновского, и только часть бумаг можно отнести к концу XVIII в., когда готовилось первое издание Слова. После такого анализа М. Н. Сперанский отошел от своей первоначальной резкой критики бумаг Малиновского, которую дал им в своих ранних лекциях, но он никогда не признавал их ценности для реконструкции первоначального текста Слова, а лишь для истории первого издания Слова³⁰.

В вышедшей в это же время «Истории древнерусской литературы» М. Н. Сперанский подробно описывает подготовку первого издания Слова. Поэма рассматривается им в историографическом плане, который очень характерен для лекций М. Н. Сперанского, посвященных Слову. Новым этапом в изучении Слова М. Н. Сперанский считает 40-50-е гг. XIX в., когда поэмой занялись Ф. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов, особенно большое значение он придавал работам Н. С. Тихонравова, в которых были «выставлены основные принципы, по которым должно вестись исследование памятника»³¹. Именно с этого времени, по мнению М. Н. Сперанского, «процесс изучения «Слова о полку Игореве» вступает в фазис широкого, всестороннего сравнительного изучения памятника»³².

Лекции М. Н. Сперанского, начиная с 1907 г. показывают, что он блестяще знал историографию вопроса и всегда умел указать, что нового вносит та или иная работа в изучение Слова. Такова его недатированная рецензия на два издания памятника Н. С. Тихонравова^[36], где он дает подробное сравнение изданий 1866 и 1868 годов, отмечает новое, что было внесено во 2-е издание.

«Второе издание было последним при жизни Н. С. Тихонравова. Сравнительно с первым оно представляет не безынтересный материал для истории изучения «Слова»: сравнение, хотя бы поверхностное, обоих изданий показывает, насколько в течение двух лет, протекших между изданиями, продвинуто было Н. С. [Тихонравовым. – Р. К.] изучение Слова, насколько он сам изменил свои взгляды на отдельные вопросы при изучении памятника»³³.

М. Н. Сперанский подробно отмечает все изменения, внесенные Н. С. Тихонравовым во второе издание, сделанные под влиянием критики Ф. И. Буслаева. М. Н. Сперанский отмечает, что хотя издание Н. С. Тихонравова предназначено для учащихся, оно имеет «высокий интерес научный»³⁴.^[7]

Такова же по стилю и рецензия на книгу В. Н. Перетца, опубликованная в 1927 г.³⁵ В ней М. Н. Сперанский подробнее всего останавливается на интересовавших его вопросах. Давал высокую оценку книге, которая «среди обильной литературы «Слова» должна быть сочтена явлением незаурядным по широте, научности и полноте содержания»³⁶.

М. Н. Сперанский основное внимание уделяет разделам книги В. Н. Перетца, где разбираются вопросы о первом издании поэмы и датировке рукописи. Он находит «слабо обоснованным» вывод В. Н. Перетца, относящего погибшую рукопись к началу XVI в., высоко оценивает наблюдения автора о значении Екатерининской копии Слова и издания 1800 г.

³⁰ Там же. С. 4, 13 и след.

³¹ *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. Ч. 1. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920. С. 351.

³² Там же. С. 356.

³³ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ *Сперанский М. Н.* Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім – пам'ятка феодальної України – Руси XII віку. Вступ. ст., коментар. Київ, 1926 // *Slavia. Praha*, 1927. Roč. 6. Seš. 1. S. 180–182. [См. также: *Сперанский М. Н.* Последние издания Академии Наук СССР // *Slavia. Praha*, 1928. Roč. 6. Seš. 4. S. 846–847. – Р. К.].

³⁶ Там же. С. 182.

“как материала для восстановления текста погибшей рукописи”. Построение В. Н. Перетца о судьбе Слова в рукописной традиции, которую, по мнению автора, “можно проследить без перерыва почти вплоть до XVII века на русском северо-востоке [так! – *Р. К.*]”, М. Н. Сперанский находит “в виду слабости этих отзвуков” интересным, но все-таки “только более или менее вероятным”³⁷. М. Н. Сперанский склоняется к мысли, что с точки зрения жанра надо искать параллели между Словом и историческими повестями, вошедшими в состав летописей. Высокую оценку дает М. Н. Сперанский и реконструкции Слова, сделанной В. Н. Перетцем.

Очевидно в связи с подготовкой издания 1920 г. М. Н. Сперанский занялся вопросом о первом издании Слова 1800 г. Ему посвящен доклад М. Н. Сперанского «К истории первого издания “Слова о полку Игореве”» (1925 г.)^[37], где он писал: “Научная практика, касающаяся Слова о полку Игореве, как известно, отправляется от этого издания 1800 г.^[38], должна в силу свойств, достоинств и недостатков этого ^[3] первого издания, внимательно поставить ряд вопросов об истории самого издания, чтобы от нее, возможно освещенной и установленной, можно было подойти ближе к недоступному нам уже рукописному тексту, чтобы установить правильное свое ^[3] отношение к этому тексту через издание его в 1800 г. Тут выступает на сцену вперед ^[3] уже не историк литературы, лингвист, историк или археолог ^[3] в узком значении этих терминов³⁾, а ученый библиограф: история самого издания в связи с историей книги, печатного станка, даст материал, при этом проверенный, историку литературы, лингвисту и т. д. Этим я хочу сказать, что без чисто библиографических разысканий не может обойтись исследователь Слова о полку Игореве, если он не желает подвергнуть себя упреку в том, что им не приняты все меры для его же целей”.

Остановившись на истории первого издания, М. Н. Сперанский ставит два вопроса: в какой мере издание 1800 г. можно считать библиографической редкостью и почему сложилось мнение о его необыкновенной редкости.

Представление о большой редкости издания сложилось, как показал М. Н. Сперанский, после гибели рукописи Слова во время пожара Москвы в 1812 г.

“Но такое представление об издании, так быстро ставшем редкостью, думается мне, нуждается в уточнении, м. б. в некотором ограничении, а с другой стороны выдвигает в свою очередь вопрос, на который мы пока ответа не имеем. Мнение А. С. Шишкова, желавшего поместить в издании председательствуемой им Российской Академии ставший быстро столь знаменитым памятник, гордость русского прошлого, могло его заставить несколько преувеличить потребность уже в 1805 г. в перепечатке текста 1800 г.^[39] Если же допустить, что А. С. Шишков заявлял согласно действительному положению дела с тиражом издания, то придется внести поправку и даже отвергнуть ходячее мнение о том, что причиной редкости издания 1800 г. был пожар 1812 г.: в таком случае много экземпляров Слова сгореть уже не могло: уже в 1805 г. издание разошлось, а тем более к моменту гибели библиотеки А. И. Мусина-Пушкина”³⁸.

Замечая дальше, что тираж издания нам неизвестен, т.к. вопрос о тираже, заданный в письме К. Ф. Калайдовича, Мусин-Пушкин^[40] “оставил... без ответа”, а цифра 1200 экз. появилась уже после смерти графа, М. Н. Сперанский предполагает, что мнение о гибели издания возникло “вскоре после гибели рукописи Слова, видимо, под влиянием уже сложившейся молвы, что с нею погибло и издание”.

Однако тот факт, что с 1800 по 1812 г. появилось не одно издание Слова, заставляет М. Н. Сперанского предположить: если “издание Слова, вышедшее в 1800 г., целых 12 лет было доступно публике, расходилось...^[41], то к 1812 г. оно уже значительно должно было разойтись, и у Мусина-Пушкина с его библиотекой могли сгореть разве остатки^[7] издания^[42]”.

³⁷ Там же. С. 181.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267–268. Л. 1–1 об., 3 об. – 4 об. [Д. 267. Л. 1 об., 1а, 3–3 об., 4–4 об.]

Из всего этого М. Н. Сперанский делает вывод: «Т. о. самое представление об исключительной редкости издания 1800 г. не только до 1812 г., но и после него, подлежит ограничению. Это особенно становится ясным, если мы сопоставим издание 1800 г. с действительно редчайшими изданиями, испытанными, как и издание Мусина-Пушкина, не совсем обычную судьбу, например, с конфискованными изданиями Радищева “Путешествия” или “Вадима Новгородского” Капниста»³⁹.

Ставя вопрос об истории первого издания Слова, Сперанский стремился отыскать и описать возможно большее количество экземпляров издания и проследить их историю. В его докладе описано 10 экземпляров издания 1800 г. из библиотек и частных собраний Москвы⁴⁰. Кроме этого М. Н. Сперанский замечает, что в хранилищах Москвы несомненно найдутся еще экземпляры, перешедшие туда из частных собраний.

В монографии Л. А. Дмитриева, где отражены все последние достижения в изучении первого издания Слова о полку Игореве, уже описано 60 экземпляров этого издания. По сравнению с работой М. Н. Сперанского в ней отсутствуют экземпляры Н. С. Тихонравова, издательства Сабашниковых и библиотекаря Н. Ю. Уляницкого⁴¹.

В связи с первым изданием М. Н. Сперанского интересует судьба самих экземпляров этого издания.

“Из указаний, которые прямо и косвенно дают сохранившиеся экземпляры, можно вывести пока одно наблюдение: большинство известных нам экземпляров приобретены были их владельцами уже после 1812 года, каковы экземпляры Румянцева, Норова, Кубарева, Шевырева⁴², не говоря уже об экземплярах Тихонравова и остальных. Если это так, то естественно предположить, что и после 1812 года можно, хотя бы и не без труда, находить такие экземпляры, сохранившиеся, если не в книжных лавках, то в частных руках, как это мы видим и позднее”⁴¹.

С вопросом истории первого издания тесно связан вопрос о первых переводах Слова, который также разбирается М. Н. Сперанским. В архиве М. Н. Сперанского сохранилась большая статья «По поводу переводов “Слова о полку Игореве”»⁴². Это последняя законченная работа М. Н. Сперанского, посвященная слову. В ней М. Н. Сперанский подробно разбирает переводы XVIII в. “Слова о полку Игореве”, сделанные до издания 1800 г., и устанавливает связь между различными списками переводов. М. Н. Сперанский проделал необыкновенно интересную работу, показывающую все этапы подготовки издания 1800 г. М. Н. Сперанский подготовил к изданию перевод Слова, сделанный А. Ф. Малиновским, где отразилась вся работа издателей Слова.

М. Н. Сперанский прежде всего останавливается на том, что в XVIII в. были распространены списки переводов Слова, а не самой рукописи.

«Копий с подлинной рукописи “Слова” мы знаем только одну, сделанную для императрицы Екатерины...»⁴⁴. Отсутствие других копий с подлинника, скорее всего, объясняется тем, что самый язык “Слова”, старинный и мало похожий на язык обычных церковных

³⁹ Там же. Л. 4 об., 5, 9 об. – 10.

⁴⁰ По Л. А. Дмитриеву № 18, 21, 23, 27, 34, 36, 37: *Дмитриев Л. А.* Описание экземпляров первого издания Слова о полку Игореве // *Дмитриев Л. А.* История первого издания “Слова о полку Игореве”: материалы и исслед. М.: Л., 1960. [РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267. Л. 6, 6 об.]

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267–268. Л. 8 об. – 9. [Д. 267. Л. 8 об. – 9].

⁴² Там же. Оп. 2. Д. 4. Статья по поводу переводов “Слова о полку Игореве” с материалами к ней [20–28 февраля 1935 г. См. Д. 268. – *Р. К.*]. Сейчас опубликован отрывок этой работы. См.: Из истории изучения “Слова о полку Игореве” в Московском университете. Неопубликованная статья М. Н. Сперанского / Вступ. ст. А. Н. Робинсона // *Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1955. Т. XIV, вып. 3. С. 288–294.* Название работе дано при публикации. [См. также: *Позднеев А. В.* Экземпляры первого издания “Слова о полку Игореве” в некоторых московских государственных книгохранилищах и частных собраниях: (библиогр. заметка) // *ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 244–248. – Р. К.*].

книг, был мало доступен для рядовых любителей старины, не исключая и самого Мусина-Пушкина...^[45] Немногие же более или менее научно смотревшие на старину любители имели возможность познакомиться с подлинной рукописью у самого ее обладателя, хорошо им знакомого».

Списков же переводов Слова о полку Игореве, сделанных в XVIII в., М. Н. Сперанский насчитывает пять: «1) рукопись из архива кн. Воронцова (теперь в библиотеке Академии наук), 2) Екатерининская (иначе: “Архивная”^[46], 3) т. н. Малиновского (теперь в Историческом музее в Москве), 4) б. Белозерского...^[47] и 5) Лен. ПБ F. XV.50^[48]. К этим текстам перевода следует отнести и перевод, находящийся в первом издании самого “Слова” 1800 г., как восходящий к неизвестному нам ближе рукописному тексту».

Отмечая важность этих ранних переводов, М. Н. Сперанский писал: «Взаимоотношения этих текстов друг ко другу и всех их к печатному изданию помогут вскрыть самый процесс подготовки первого издания “Слова о полку Игореве”; издание 1800 г., как известно, остается почти единственным прямым^[3] источником для исследователей “Слова”»^{43, [49]}.

М. Н. Сперанский определяет и взаимоотношение переводов: «Руководясь главным образом указанной работой Л. К. Ильинского, мы можем представить себе последовательность изготовления известных нам рукописных текстов перевода “Слова” в XVIII в. в таком виде. Старшим по времени среди остальных следует признать текст “Рукоп.” (изданный Ильинским. – М. Б.); он больше других оставил непереверженными выражений старого текста памятника, примечаниями и объяснениями (кроме предисловия и “Исторического содержания сей поемы”) еще почти не снабжен. С ним совпадают тексты Лен. Публ. библ. F. XV.50 и Академический (б. архива Воронцова), представляющие копии или с “Рукоп.”, или с общего с нею оригинала. Следующею хронологически и по степени обработанности является текст “Екат.” (иначе, “Архивский”): в нем, помимо переработки текста самого перевода сравнительно с “Рукоп.”, последовательно проведены примечания к тексту числом 54, они по содержанию совпадают с первым изданием, но несколько их пространнее»^[50]. За этим текстом по времени идет текст “Мал.”, который дает наиболее близкие к печатному чтению, но в то же время дает несколько точек соприкосновения, в отличие от печатного, с “Рукоп.” и “Екат.”^[51]. Наконец, за текстом “Мал.” должен следовать тот рукописный текст перевода, с которого делался набор при печатании первого издания»^{44, [52]}.

Но М. Н. Сперанский отмечает, что доступные нам переводы Слова – не единственные; существовали еще несколько списков переводов^[53], «как о том можно судить на основании предисловия к “Рукоп.” (л. 1), идущего, по-видимому, от самого Мусина-Пушкина: здесь говорится, между прочим, о том, что “оригинал (перевода) затерялся у Николая Михайловича (разумеется, Карамзина)”; та же судьба постигла и еще какой-то список перевода “несколько уже выправленный”. То “Рукоп.” предшествовали по крайней мере еще два^[7] списка перевода: первоначальный, затерянный Карамзиным, и еще другой, “несколько уже выправленный”, взятый [3-кем-то³] у Мусина-Пушкина и не возвращенный. Когда Мусин-Пушкин переселился в Москву, то, по его собственным словам, он увидел у А.Ф. Малиновского “к удивлению своему перевод в очень неисправной переписи”^[54]. Стало быть, это уже третий^[7] из неизвестных нам теперь списков перевода “Слова”^[55]».

Окончательные этапы работы над переводом Слова в XVIII в., по словам М. Н. Сперанского таковы^[56]: «Между 1795 годом (год находки и приобретения рукописи “Слова”) и не позднее 1796 года (год смерти Екатерины) были изготовлены: первоначальный перевод, представляемый теперь “Рукоп.”, несколько исправленный перевод, легший в основу “Екат.”, подобран комментарий к нему, сделана копия с этого текста, читаемая теперь

⁴³ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 2. Д. 4. Л. 2–3. [Оп. 1. Д. 268. Л. 2–3].

⁴⁴ Там же. Л. 3–4.

в “Екат.”. Дальнейшая работа над этим текстом продолжается до 1798 г., когда был изготовлен оригинал “Мал.”, из копии с которого исходили Малиновский, Бантыш-Каменский и Мусин-Пушкин при совместной подготовке оригинала для набора»⁴⁵.

К сходной точке зрения пришел Л. А. Дмитриев в своем фундаментальном исследовании об истории переводов Слова о полку Игореве⁴⁶. Правда Л. А. Дмитриев не отмечает близости переводов Малиновского и Екатерининского.

Для изучения более поздних переводов, сделанных в начале XIX в., Сперанский считал весьма ценным экземпляр первого издания, принадлежавший студенту А. Фон-Валю [так! – Р. К.], на полях которого сохранились отдельные записи перевода, сделанные, как это установил М. Н. Сперанский, на семинарских занятиях профессора Московского университета М. Г. Гаврилова⁴⁷.

Этот перевод, как пишет М. Н. Сперанский в другой своей работе, характерен небольшими познаниями комментатора-переводчика [А.] Фон-Валя, дает в основном толкование непонятных и трудных слов, “перевод этот представляется довольно свободным, не стремившимся быть близким к подлиннику”⁴⁸.

Кроме законченных работ, в архиве Сперанского сохранились подготовительные материалы к работам о Слове о полку Игореве. Здесь выписки примечаний первого издания Слова, сделанные при подготовке к изданию перевода А. Ф. Малиновского с замечаниями самого М. Н. Сперанского.

Большой интерес представляют сравнительные выписки разных изданий Слова из работ, посвященных Слову. Эти выписки показывают, какие аспекты изучения Слова интересовали М. Н. Сперанского. Много заметок, вошедших позднее в законченные работы, посвящено бумагам А. Ф. Малиновского.

В материалах Сперанского сохранилось много параллельных выписок из Слова и других литературных памятников. Из них видно, что М. Н. Сперанский сравнивал язык поэмы и с церковной литературой (поучение Иоанна Златоуста, Кирила Иерусалимского, слово на Богоявление Юлиана Тавийского, житие Феодосия и др.), и с былинами, Ипатьевской летописью, Новгородской летописью и др. Много выписок посвящено биографии А. И. Мусина-Пушкина.

Большая незавершенная работа М. Н. Сперанского посвящена поддельным рукописям Слова о полку Игореве. В ней М. Н. Сперанский отмечает основное отличие русских подделок от западных – если в Европе создавались поддельные произведения (песни Оссиана, Макферсона), то в России подделывались рукописи уже известных исторических памятников (Слово о полку Игореве, Русская правда, летописи). Выяснив, что подделки рукописей Слова связаны с тем большим интересом, который вызвал этот памятник сразу после своего появления и утратой единственной рукописи, М. Н. Сперанский подробно разбирает историю поддельных рукописей Слова. В основной своей части она вошла в опубликованную работу М. Н. Сперанского об истории русских подделок⁴⁹.

Все работы М. Н. Сперанского о необыкновенно интересовавшем его памятнике древней русской литературы показывают, как вдумчиво и глубоко научно подходил он ко всем вопросам, касающимся его любимого произведения. Именно эта любовь заставляла его особенно осторожно относиться ко всем материалам, связанным со Словом. Так, он не присоединился к восторженной оценке бумаг А. Ф. Малиновского, данной Е. В. Барсовым, а занялся

⁴⁵ Там же. Л. 5–6, 7–8.

⁴⁶ Дмитриев Л. А. Указ. соч. С. 302–303.

⁴⁷ Об этом подробнее см.: Из истории изучения “Слова о полку Игореве” в Московском университете. С. 289–294. [См. также: Д. 267. Л. 7, 10 об.–12]

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 267–268. Л. 11 об. – 12. [Д. 267. Л. 12]

⁴⁹ Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) / Подгот. к печ. В. Д. Кузьминой // ПИ. М., 1956. Вып. 5. С. 44–101.

их критическим анализом, чтобы понять, что же действительно ценного могут дать они в изучении Слова. В то же время М. Н. Сперанский всегда приветствовал все новое, что вносили работы ученых в изучение поэмы, и живо отзывался на все выходявшие публикации и исследования о Слове.

Работы М. Н. Сперанского интересны не только своими выводами, но и тем, что учат методу работы над памятниками русской литературы.

Все работы М. Н. Сперанского, посвященные Слову о полку Игореве, хотя и затрагивают различные вопросы, но по проблеме, которую они ставят, по своим выводам тесно связаны между собой и представляют как бы отдельные наброски единого, к сожалению, незавершенного произведения. Законченные работы М. Н. Сперанского, особенно посвященные вопросам первого издания Слова, переводам памятника, сделанным в XVIII в. просто необходимо опубликовать, т. к. наблюдения и выводы М. Н. Сперанского не утратили значения и до сегодняшнего дня, и несомненно помогут исследователям.

Примечания публикатора

^[1] Обычно – Несторовича.

^[2] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: Я выбрал его не потому только ^[3] что Слово о полку Игореве – памятник действительно замечательный, своего рода единственный в мировой, не только в русской литературе по своим особенностям; меня побудили выбрать Слово о полку Игореве и другие причины, из коих главная (далее вычеркнуто: так сказать основная) та, что памятник этот занял совершенно исключительное положение не только в литературе, но и в истории развития нашей истории литературы как науки.

^[3], ^[3-3] В рукописи слово, фраза вписана над строкой.

^[4] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: с 1797 года, когда в октябрьской книжке французского Spectateur du Nord появилось первое известие о “Песни воинов Игоря” (Le Chant des guerriers d’Igor) и вплоть до настоящего почти дня (Археолог. изв. и зам. № 7–8).

^[5] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: Все это, взятое вместе (Имеются в виду обстоятельства происхождения Слова, его публикации, исследования, посвященные Слову, роль в развитии науки о литературе и т.п. – Р. К.), имело результатом, то, что.

^[6] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: Мы остановились на истории палеографического восстановления Слова о полку Игореве. Выводы: показания очевидцев рукописи (сокращено: ркпси) (Д. 266. Л. 10).

^[7], ^[7-7] В рукописи слово, фраза подчеркнута.

^[8] Вписано над строкой вместо зачеркнутого принимавший.

^[9] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: (вспомним, Мусину-Пушкину даже запрещено было марать корректуру)? (Д. 266. Л. 12 об.).

^[10] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: Допуская даже, что это не палеографические выписки, а небрежные, сделанные кое-как, мы не объясним всех странностей, например, выбора “темных мест”, выбора цитат в остальных отрывках (ср. отрывок 5). Иначе сказать, бумаги не принадлежат Малиновскому, а как приписанные (исправлено, в рукописи переписанные) ему они поддельны (буквы дельны зачеркнуты), ψευδογρᾶφον (греч. “подделка”. – Р. К.) (Д. 266. Л. 13).

^[11] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: речь – рѣчь, усобищѣ, лебедѣй – лебедѣй, пѣсни – пѣсь и т.д.; шизым – шизымъ, человѣком – человѣком (так в рукописи. – Р. К.). Эти последние случаи исключительно те, на которые, как обычные в рукописях, обратили внимание, желая их восстановить в погибшей рукописи (Д. 266. Л. 13–13 об.).

^[12] Слово отсутствует в рукописи и машинописи, восстановлено по смыслу.

^[13] Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой: А в это время можно было кое-что и палеографически подделывать (Д. 266. Л. 13 об.).

^[14] М. Е. Бычковой опущено начало фразы: «Видим манеру издания Мусина-Пушкина; вывод: выражение “со всей точностью” нельзя понимать с нашей современной точкой зрения, это...» (Д. 266. Л. 10).

^[15] Текст рукописи статьи выполнен в старой орфографии, возможно по особенностям почерка следует датировать ее концом XIX века – первыми двумя десятилетиями XX века.

^[16] В тексте статьи у М. Н. Сперанского сказано: “Прописные буквы почти не употреблялись ни в XIV, ни в XVI в.; в пушкинском тексте видим во многих случаях прописные буквы в середине предложения” (Д. 270. Л. 2).

^[17] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* до сих пор это не было принимаемо во внимание (Д. 270. Л. 3).

^[18] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* Первый русский Хронограф составлен в 1512 г. и оканчивается взятием Константинополя, статьей оригинальной, составленной на основании греческих источников, а главным образом на сербском хронографе, русских вставок мало (Д. 270. Л. 3 об.).

^[19] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* Хронографа (Хроноурафн) 990 г. (Д. 270. Л. 3 об.).

^[20] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* прежде о бытии и сотворении мира, от книг Моисеевых и от Иисуса Навина и от русских летописец, сербских и болгарских (Д. 270. Л. 3 об.).

^[21] М. Н. Сперанский далее рассуждал: «...видно, что вторая редакция относится к 1617 г. Как объяснить, что “Слово” явилось в редакции XVII в.? Или хронограф – самостоятельная вставка в сборник и писан другой рукой или весь сборник относится к XVII в. Т. о. древность сборника под большим сомнением» (Д. 270. Л. 4).

^[22] *В рукописи написано сокращенно, под титлом:* ꙗꙗрой.

^[23] *В рукописи написано сокращенно, под титлом:* ꙗꙗкрые.

^[24] *В рукописи написано сокращенно, под титлом:* ꙗꙗрое.

^[25] *Возможно окончание статьи не сохранилось в архиве.*

^[26] *Буквы из подчеркнуты.*

^[27] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* что не может служить к объяснению данного места “Слова”, но зато в другом памятнике русской литературы (Татарской эпохи) мы находим совершенно верный перевод слова (о нашествии татар на Казань и о Зарайской иконе Николая Чудотворца): “по малъ Евстафiи нача умъ (слово подчеркнуто М. Н. Сперанским. – Р. К.) свой собирати” (Д. 270. Л. 10 об.).

^[28] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* несомненно, что и в древнем тексте было “дивъ” (Д. 270. Л. 18).

^[29] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* полагают некоторые (в рукописи слово сокращено под титлом. – Р. К.), [что здесь] скрывается какое-нибудь слово татарское с определенным смыслом; это слово имеет иногда значение язычник (поганъ), но (Д. 270. Л. 18).

^[30] *Слово в машинописи подчеркнуто.*

^[31] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* и повторяется в “Слове” не раз, и большею частью в конце “Слова”, такое повторение: о земля Русская, уже за шеломенем еси; далее тоже (р. 3,4) (Д. 270. Л. 11 об.).

^[32] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* “жалость” значит “печаль” (tristitia), “скорбь” (Д. 270. Л. 12 об.).

^[33] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* в народной поэзии это слово не редкость. (Рыбн. I, 361); оно равно почти “поостри” с неопределенным наклонением (Д. 270. Л. 13).

^[34] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Основатель научной русской метрики Ф. Е. (Корш. – Р. К.) и приложил богатые результаты своих разысканий, как в области старой (*вписано над строкой* и новой) русской (*вписано над строкой* книжной и) народной и международной метрики, в связи с огромным рядом наблюдений над ударением старым и современным (*вписано над строкой* в русском языке), одев все это своим тонким чутьем языка вообще и своим нравственным остроумием – все это внес он в свой труд по изучению любимого памятника... При такой постановке дело было не только строго научным, но (*слово вписано над строкой*) далеко не легким и совершенно новым в русской науке (Д. 271. Л. 9–10).

^[35] *Дубенский Дмитрий Никитич (ум. 1863, Москва) – историк, магистр Московского университета. Изучал стихотворный размер Слова о полку Игореве, датировал Мусин-Пушкинский сборник со Словом концом XIV в. со слов А. Ф. Малиновского.*

^[36] *По характеру почерка, состоянию и качеству бумаги, “старой” орфографии можно отнести рукопись к концу XIX в.*

^[37] *Доклад был подготовлен к 372-му заседанию Русского библиографического общества 30 марта 1920 г. (понедельник, в 19.30), о чем свидетельствует машинописное объявление о заседании общества, направленное “Академику М. Н. Сперанскому” (Д. 267. Л. 14–14 об.) Рукописный текст доклада содержит многочисленные исправления, вставки над строкой, вставки, написанные на отдельных листках и подклеенных к тетрадным листам с основным текстом.*

^[38] *Далее следует вставка М. Н. Сперанского в текст, отмеченная косым крестом чернилами, написанная на отдельном листке и подклеенная к листу I: «Второе издание “Слова” – А. С. Шишкова, 1805 г. – единственное, вышедшее до 1812 года, печаталось без сверки со старой рукописью, хотя А. С. Шишков и говорил о том, что он сверял переложение с подлинником: под этим “подлинником”*

подразумевается старый текст в издании 1800 года. Т. о. Слово о полку Игореве только раз – в издании 1800 года – было издано по рукописному оригиналу непосредственно, если не считать Екатерининской копии» (Д. 267. Л. 1а).

^[39] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* это предположение является довольно естественным, если принять во внимание сравнительно небольшой круг лиц, среди которых могло получить распространение издание Слова: это был прежде всего не обширный круг русских бар, охваченный к началу века патриотическо-руссофильским течением, да немногие, частью в этот же круг входившие ученые, историки и писатели (Д. 267. Л. 4)

^[40] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Ответив на несколько этих (слово вписано над строкой – Р. К.) вопросов, Мусин-Пушкин вопрос о количестве экземпляров издания 1800 г. (Д. 267. Л. 5)

^[41] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* если на него действительно был большой спрос – а в этом сомневаться поводов нет (Д. 267. Л. 5).

^[42] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* т.е. немногие экземпляры, большинство же их было уже на руках у читателей (Д. 267. Л. 5).

^[43] *Так в текстах М. Е. Бычковой и М. Н. Сперанского. Возможно – Николай Юрьевич Ульянинский (1872(?)–1937), секретарь испытательной комиссии при Управлении Московского Учебного округа; библиофил, член Библиографического общества при Московском университете. Из семьи известных библиофилов и коллекционеров. Собрание Н. Ю. Ульянинского находится в составе Российской государственной библиотеки.*

^[44] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* (стало быть до ноября 1796 г., времени смерти Екатерины), уже снабженную переводом на современный язык и примечаниями (найдена в бумагах Екатерины П. П. Пекарским и издана им в 1864 г.) (Д. 268. Л. 2).

^[45] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* как он сам в том признавался, хотя ему и чаще других, как собирателю, приходилось иметь дело со старинным языком своих рукописей; ср. Сын Отечества 1839 г., VIII, Смесь, стр. 16 (Д. 268. Л. 2).

^[46] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* упомянутая выше (Д. 268. Л. 2).

^[47] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* (издана Л. К. Ильинским, стр. 57–82) (Д. 268. Л. 2).

^[48] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* (Отчет ПБ за 1889 г., стр. 143–195) (Д. 268. Л. 2).

^[49] *Примечание рукой М. Н. Сперанского карандашом на полях: х)* имею в виду выписки в Истории государства Российского Карамзина (Д. 268. Л. 3).

^[50] *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы: х)* Примеры см. в статьеке при издании “Слова” М. В. Сабашникова, стр. 19–20 (Д. 268. Л. 4).

^[51] *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы: х)* См. прилагаемый текст “Мал.” и примечания к нему в сравнении с печатным; ср. у Ильинского, стр. 17, 18, 39–48, 73 (Д. 268. Л. 4).

^[52] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* но он нам недоступен, и неизвестно, сохранился ли он (Д. 268. Л. 4).

^[53] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Но в литературе первоначальной истории печатного текста “Слова” и его перевода имеются указания, что существовали еще тексты, помимо нам теперь доступных; указания эти относятся не только к позднему времени, когда рукопись “Слова” уже погибла, и интерес ко всему, что касалось “Слова” опять при том значительно повысился. *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы х)* Ср. Е. В. Барсов. Сл. о п. Иг., I, 35 и сл.), но и еще к концу XVIII века (Д. 268. Л. 5).

^[54] *Примечание М. Н. Сперанского, идущее сразу же после фразы: х)* Зап. и труды ОИДР 1824 г., кн. II, 37 (Д. 268. Л. 5).

^[55] *Далее в рукописи фраза, опущенная М. Е. Бычковой:* отождествлять же этот “третий” список с имеющимся у нас в руках “Мал.” оснований нет: этот последний никак нельзя назвать “очень неисправной перепиской”: Мусин-Пушкин продолжал работать над дальнейшим усовершенствованием своего первоначального перевода, в котором уже не позднее 1796 года были сделаны систематические подстрочные примечания; продолжал он работу и после передачи Екатерининского списка над переводом (Д. 268. Л. 6).

^[56] *Начало цитаты, опущенное М. Е. Бычковой:* Намечающееся т.о. происхождение “Мал.” дает возможность установить некоторые хронологические этапы и работы А. И. Мусина-Пушкина (Д. 268. Л. 7).